

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO BUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XX

Buenos Aires, Martes, 18 de junio de 1968

Буэнос Айрес, вторник 18 июня 1968 года № 957

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

348. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПИСАТЕЛЕ В. П. АКСЕНОВЕ. — АМЕРИКАНО-ВЬЕТНАМСКАЯ КАНИТЕЛЬ В БУКНУЮЩЕМ ПАРИЖЕ. — ТРИ СОВЕТСКИХ “ГОСТЯ” ПЫТАЮТСЯ УДЕРЖАТЬ РАЗНЫМИ МЕТОДАМИ ЧЕХОСЛОВАКИЮ ОТ ИЗМЕНЫ КРЕМЛЮ И СОЗДАНИЯ НОВОЙ “МАЛОЙ АНТАНТЫ”. — ПОЗДНЕЕ ПРИЗНАНИЕ ВЫДАЮЩИХСЯ ЗАСЛУГ ВРАЧЕЙ А. А. ВИШНЕВСКОГО И Н. С. МОЛЧАНОВА В ГОДЫ БОЙНЫ. — ОПЯТЬ ПРОЦЕСС “КОЛЛАБОРАНТОВ” В СТАВРОПОЛЕ. — СМЕРТЬ БЕСПАРТИЙНОГО ИСТОРИКА МОСКОВСКОЙ РУСИ А. А. НОВОСЕЛЬСКОГО. — ПРИГОВОР СОЦИАЛ-ХРИСТИАНСКИМ ЗАГОВОРЩИКАМ ЛЕНИНГРАДА И ТОМСКА.

Приветствуя появление в “Нашей Стране” рассказа В. П. Аксенова, полагаю интересным привести о молодом писателе свидетельство его матери Е. С. Гинзбург, родной тетки ныне осужденного Александра Гинзбурга.

В мемуарах “Крутой поворот” (см. “Наша Страна” №№ 933 и 934) она так описывает свой уход из дому по вызову начальника секретно-политического отдела Веверса: “Я отсылаю Алешу (старший сын 9-ти лет) на каток. Он уходит, не попрощавшись со мной... больше я его не увидела. На катке была моя падчерица Майка (13-ти лет). По какому-то странному совпадению маленький двухлетний Вася, привыкший к моим постоянным отъездам и отлучкам и всегда совершенно спокойно реагирующий на них, на этот раз выбегает в прихожую и начинает настойчиво попытаться: “А ты, мамуля, куда? Нет, а куда? я не хочу, чтоб ты шла...”, но мне нельзя сейчас смотреть на детей. Нельзя целовать их. Иначе я сейчас умру... Я отворачиваюсь от Васи и кричу: “няня, возьмите ребенка. Я не могу его сейчас видеть”. Няня посмотрела мне в лицо и ничего не сказала, только мелко перекрестила меня. Все равно совершается неизбежное и его не умилишь минутными отсрочками. Захлопывается дверь. Я и сейчас помню через двадцать с лишним лет этот звук. Больше никогда я не открывала эту дверь, за которой жила с моими дорогими детьми...”

За 10 лет ее заключения умер Алеша, которого после смерти родителей и ареста ее мужа приютил один знакомый ленинградский врач. По выходе на поселение в Восточной Сибири приехал к ней и вскоре умер измученный тяжелым концлагерем муж. В 1958 году мать взяла к себе 22-летний Вася, начинающий писатель, которому сейчас 32 года. Он, конечно, не наш единомышленник, но ненавидит советский режим не меньше нас, храбро выступает в защиту осужденного двоюродного брата. Теперь также по существу враги режима как он, с двух лет лишенный матери, а с трех лет отца, борятся против ненавистной диктатуры, невольно прокладывая дорогу нам, как Родзянко с Шулгинным пошли с Керенским и Чхеидзе и распахнули ворота Ленину и Троцкому.

В Париже среди общей забастовки и уличных беспорядков продолжалась конференция Гарримана с делегатами Сев. Вьетнама, напоминающая беседу двух глухих: каждый говорит и повто-

ряет свое, не понимая ни одного аргумента собеседника и ни в чем ему не уступая. Между тем подстрекаемые прокитайскими французскими коммунистами студенты безобразничают, занимая не только университет, но и театры для превращения их в клубы коммунистов и анархистов и всякого сброда полууголовного типа.

Генерал де Голль был в Румынии, где старался оторвать бунтующих румынских лидеров в большинстве еврейского происхождения от поддерживающего дробов СССР. По возвращении генерал нашел полный хаос, всеобщую забастовку. Его поддержал состоящий в большинстве из “голлистов” парламент, но враги режима кричат, что “дело решит улица”, а в Канн коммунизациюствующий кинорежиссер Годар разогнал международный кино-фестиваль и истерически кричит: “Смерть де Голлю!”

Для нас интересно отметить, что на свержении генерала и срыве конференции настаивает Пекин в то время, как советская печать начала обвинять Мао Тзе-тунга в затягивании кровопролития во Вьетнаме. Получается впечатление, что ослабленная раздорами среди своих сателлитов и ростом внутренней оппозиции Москва стремится уговорить Хо принять мир на возможно более почетных условиях, чтоб не осложнить советско-американской игры в “мирное сосуществование”. Брежнев не хочет падения изменившего НАТО генерала, боясь, что коммунистам не удастся установить своей диктатуры и сделать Францию новым сателлитом, а всякое иное правительство, сменив генерала, будет опираться на США и тем испортит сложную советскую игру.

В Чехословакии растет ненависть ко всему советскому, особенно при постепенном возвращении СССР к культуре Сталина. Еженедельник “Литературный лист” печатает потрясающие разоблачения зверств в чехословацких концлагерях и намекает на требования предания суду Новотного. Уцелевшие или вышедшие из лагерей с реабилитацией прежние видные коммунисты — писатели, журналисты, партработники говорят об ужасах и зверствах партийной администрации. При этом ставится вопрос: как гарантировать народ от новой сталинщины, если еще состоят в партии палачи и изверги, как в России стоят у власти участники сталинских злодеяний.

Гарантия намечается в культурно-экономическом сближении с Западом, в

поддержке либеральных кругов со стороны непокорных СССР Румынии и Югославии. Если прежняя Малая Антанта гарантировала эти три государства от претензий Венгрии на отобранные земли, то теперь эти три бывших союзника могут гарантировать друг другу взаимную поддержку против притязаний СССР на гегемонию. Рост торговли с Зап. Германией и Францией (отчасти Италией) даст экономическую независимость от “Совета Экономической Взаимопомощи”, который превращает сателлитов в жалкий придаток советского народного хозяйства, а дипломатическая поддержка Белграда и Бухареста позволит противопоставить согласованную политику трех государств притязаниям СССР на политическое повновление.

Для усмирения новых чешских правителей прибыли из Москвы 17-го мая утром министр обороны маршал А. А. Гречко и начальник политуправления вооруженных сил СССР генерал армии А. А. Епишев. Их торжественно встречали военные власти, а вечером того же дня прилетели “для кратковременного отдыха и лечения”, как говорит советская печать, советский премьер А. Н. Косыгин в сопровождении дочери Л. А. Гвишиани. При этом добавлено, что Косыгин использует пребывание в Карловых Варах для обмена мнений с чехословацкими властями по вопросам, представляющим взаимный интерес.

Его встретили первый секретарь ЦК А. Дубчек, премьер-министр О. Черник, председатель Национального Собрания И. Смирковский и министр иностранных дел И. Гаек, которые неоднократно посещали “гостя” в Карловых Варах, где он с дочерью меланхолично прогуливался по парку. В беседах Косыгин напомнил им, как в Венгрии в 1956 году умеренные в начале эволюции после падения Ракоши “либеральные” лидеры коммунистической партии кончили прямой изменой СССР, как потребовал военной помощи Кадар от имени им созданного “антиправительства” для подавления руководимого Надьи анти-советского правительства. Практические чехи в ответ просили Косыгина открыть им крупные кредиты, чтоб выйти из финансового кризиса, намекая, что в противном случае найдут средства на Западе. В момент написания мной настоящей статьи переговоры в Карловых Варах еще продолжались.

Маршал Гречко предложил новому военному министру и президенту генералу Свободе не отменять грандиозных маневров в Чехословакии, которые были бы венцом германосоветских маневров под руководством маршала Кошевого на германочешской границе и польскосоветских маневров под Тешеном на польскочешской границе, которыми руководит генерал армии Хетагуров. Эти маневры по образцу “Влтавы”, о которых знают читатели, показали бы военное единство всех сателлитов СССР. Чешские генералы ответили, что в принципе согласны, но находят момент несвоевременным при разворачивании с уходом Новотного событиями. Тогда Гречко предложил рас-

Для нас Россия прежде
всего и выше всего!

Иван СОЛОНЕВИЧ

квартирование в Чехословакии отряда в 11.000 воинов Польши и СССР. Он указал, что это будет иметь символическое значение: раз в Восточной Германии и в Польше стоят крупные советские силы, то Чехословакии это не может показаться странным. Смешанный национальный состав отряда покажет, что это не советский оккупационный отряд, а просто контингент “братьев-славян”, готовый защищать независимость страны от германских рваншистов.

Но и эти усилия советского министра обороны пока не увенчались успехом. Гораздо деликатнее была задача генерала Епишева. В прошлой статье я привел его заявление на конференции политсостава в Москве, что СССР поддерживает верных коммунизму чехословацких лидеров в случае антикоммунистического вооруженного выступления. Теперь по прибытии в Прагу он сразу заявил, что никогда ничего подобного не говорил, что это ложь анти-советских или просто падких на сенсацию западных журналистов.

Внимательно следя за беседами и встречами Епишева, я пришел к выводу, что он подобрал среди партийцев высшего ранга и военных лиц, которые в случае измены Дубчека и его сподвижников создали бы новое контрправительство, которое призвало бы СССР на военную помощь. Словом, если Дубчек и Черник пойдут по рискованному пути Имре Надьи и объявят о выходе Чехословакии из Варшавского Пакта, то должен быть приписан чешский “Кадар”, который от них убежит в советский лагерь и образует свое контрправительство, признанное сразу СССР и поддержанное всей мощью советского оружия.

При этом США, выступившие в Корее и Вьетнаме по просьбе признанных ими демократических правительств, не могут протестовать, если СССР пришлет войска по просьбе признанного в СССР законного правительства нового “Кадара”.

Для выполнения столь щекотливой миссии Брежнев не мог бы найти никого, обладающего таким многосторонним опытом, какой приобрел при своей странной карьере Алексей Алексеевич Епишев. Он родился 11 мая 1908 года и сразу по поступлении на военную службу в танковые части, преобразованные по последнему слову техники М. Н. Тухачевским, вступил в 1929 году в партию. После пяти лет службы в строю, командирован в 1934 году в только что открытую Военную Академию механизации и моторизации вооруженных сил, которую окончил в 1938 году. Прибыв в свою танковую часть в Харькове, Епишев выделялся своим участием в проведении ежовщины и в 1940 году выбран первым секретарем Харьковского Обкома и Горкома, случай не-

В воскресенье 23-го июня Святая Православная Церковь празднует память Всех Святых в Земле Российской Просиявших. В этот день — престольный праздник храма Православного Русского очага (Malabia 1253, Ituzaingó).

В 10 час. утра будут отслужены Литургия и молебен. Всех православно-верующих просим посетить наше торжество и помолиться вместе с нами.
НАСТОЯТЕЛЬ ХРАМА
ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА

† В воскресенье, 30-го сего июня, в сороковой день смерти

АННЫ ВЛАДИМИРОВНЫ МЕНШИКОВОЙ

в храме Св. Владимира (San Martin 344, Villa Ballester) после Божественной Литургии будет отслужена ПАНИХИДА.

о чем сообщают убитые горем муж, сын, невестка и внуки.

бывалый в военно-партийной практике. Осенью 1941 года бежал из Харькова со всем составом Обкома и Горкома, организовывал из Заволжья засылку террористов и партизан, но в 1942 году получил в Москве высокий и ответственный пост «уполномоченного Сталинградского фронта при ЦК и Государственном Комитете Обороны». Таким образом, в разгар сражения за Сталинград он ежедневно рапортовал о ходе боев и о потребностях фронта на Волге в подкреплениях, боеприпасах, всех видов оружия и транспорта. После победы на Волге назначен заместителем наркома машиностроения с поручением заведывать подготовкой атомного и прочих секретных видов оружия. В конце 1943 года назначен членом военсовета фронта и на этой высшей политической должности перебрасывался с одного фронта на другой. В 1946 году возвращается на Украину третьим секретарем ЦК и работает три года ближайшим помощником Кагановича, затем Хрущева. В 1949 году получает Одесский Обком партии и на этом посту встречается с Брежневым, возглавляющим партию в соседней Молдавии. В 1951 году Епишева вызывает Берия и он назначен заместителем министра государственной безопасности СССР при министре С. Д. Игнатьеве в эпоху последней вспышки сталинского предсмертного террора. После падения Берия и массовой ликвидации его приспешников Игнатьев и Епишев отдаляются легко: Игнатьев едет возглавлять ЦК Башкирской компартии в Уфу, а Епишев возвращается на прежний пост в Одессу. В возрасте 47-ми лет неожиданно становится дипломатом — едет послом в Бухарест, где проводит 6 лет. В ноябре 1960 года переведен послом в Белград, где остается до мая 1962 года, когда его назначают начальником полуправления вооруженных сил с производством в генералы армий. По советской линии Епишев подчинен маршалу Гречко, как министру обороны, но по партийной линии он подчинен своему покровителю Брежневу, которому лично докладывает о благонадежности всех военных, начиная с Гречко.

Интересно отметить, что в период его сотрудничества с Берией и Игнатьевым, Маленков перевел его на XIX съезде 1952 года в члены ЦК, но после падения своих покровителей на XX съезде Хрущев разжаловал его в кандидаты ЦК. Однако, Епишев помог Брежневу свалить Хрущева и сразу после его свержения по предложению Брежнева совместно с Семичастным, Машеровым, Жигалиным, Конотопом, Поповым, Луткаком переведен из кандидатов в члены ЦК.

Вот почему эту деликатную задачу — найти на всякий случай «чешского Кадара» для свержения Дубчека и Черника при их измене — Брежнев поручил бывшему парторгану, военному комиссару в годы войны, чекисту и дипломату-знатоку мятежных Румынии и Югославии, на которые явно рассчитывают опереться отдаляющиеся осторожно, со всякими уверениями в преданности Кремлю, современные правители Праги, подгоняемые общим народным недовольством против тяжелого советского ига.

Большинство советских авторов-мемуаристов Второй Мировой войны воспевают партийное руководство боевыми операциями, роль комиссаров, подвиги партизан, в меньшей степени рядовых бойцов, летчиков и командиров. При этом каждый старается не упоминать о возмутительных ошибках командования и тем более партийного руководства: например, о том, что из Ленинграда не было своевременно эвакуировано гражданское население, что облегчило бы оборону и спасло бы от голодной смерти несколько сотен тысяч стариков, женщин и детей. Но большевистским вождям жизнь мирного беспартийного населения, в душе антисоветского, не дорога.

В моих терзаниях в штрафной части армии в первый год войны я встречал гуманное человеческое отношение со стороны врачей, которые спасли меня от религиозных гонений политкомиссаров отправкой в бессточный изолятор, а затем перевели в нестрогие и на пяти комиссиях по переосвидетельствованию в первую половину 1942 года не соглашались на настояния политруков перевести меня в строй для новых терзаний.

Поэтому мне было приятно прочитать в воспоминаниях маршала К. А. Мерецкова («Вопросы истории» 1968 г., № 3, стр. 118-129) должную оценку работы врачей на фронте. Он выделяет главного хирурга Волховского фронта **Александра Александровича Вишневого**, сына казанского хирурга А. В. Вишневого. Он отличился полевым хирургом в боях у Халхин-Гола на Дальнем Востоке, затем в Финскую кампанию. В мировую войну он организовал хирургическую помощь вблизи фронта, что спасло жизнь тысячам раненых. Вынесенному санитарам раненому на передовом пункте производили при необходимости переливание крови, протившоковую прививку, а затем новокаиновую блокаду по изобретенному Вишневым методу. «Недоедая и недосыпая, урывая какие-то минуты, он сумел написать полезнейший опыт фронтовой хирургической службы за два года, а затем ухитрились как-то издать «Записки военно-полевого хирурга». Эта внешне неказистая книжечка на грубой бумаге отпечатанная объемом в 100 страниц имела большое практическое значение для хирургов фронта...» Затем маршал пишет о **Н. К. Молчанове**: «будучи заместителем начальника кафедры пропедевтической терапии, прибыл на должность главного терапевта 54-й армии и сосредоточил свои усилия на ликвидации необычных заболеваний у раненых и у населения во фронтовой полосе: алиментарная дистрофия, клещевой энцефалит, сопутствующие ранениям пневмонии... Благодаря усилиям наших терапевтов известные мне фронты Волховский, Карельский 1-й Дальневосточный почти не знали инфекций...» Здесь маршал жлет: сыпняк свирепствовал и на фронте и в тылу и от него гибли и население, и воины, и врачи. Сколько погибло при этом врачей! Ведь именно им поэт посвятил эти строчки:

Вы шли на смерть не с грохотом палубы,
Не с бешеным горячьем кровожадной,
Нет, взвесивши все ужасы борьбы,
Вы шли дышать заразой беспощадной
И гибли жертвами судьбы.

Гром славы вас за подвиги не ждал,
На поле битвы смерть храброго солдата
Встречала ряд восторженных похвал,
А скромный врач умершего собрата
Собой безмолвно заменял.

13-го мая в Ставрополе начался очередной процесс «коллаборантов». Выездная сессия Северо-Кавказского военного трибунала прибыла из Ростова судить шестерых антикоммунистов, которые в мае 1942 года добровольно вступили в боровшийся против партизан отряд полковника фон Юнг-Шульца. По видимому, это произошло где-то на Украине, ибо в то время еще не началось германское наступление на Ростов. За боевые отличия один из них, Терещенко, был произведен в лейтенанты германской армии, а другой, Кушников, — в унтер-офицеры. Год спустя эта часть уничтожила отборный отряд советских партизан, известный под хвастливым названием «Победа». В пределах Киевской области партизаны отряда «Победа» понесли полное поражение с потерей тысячи бандитов, которых теперь советская печать живо именуется «мирными жителями», хотя признает, что это были партизаны. Печать восхваляет работу чекистов Ставропольского Управления Государственной Безопасности, которое разыскивало виновных в продолжении 26-ти лет: немцы оставили Ставрополь в декабре 1942 года, но раз процесс идет в этом городе, это значит, что их судят по месту совершения ими «преступления» и здесь проживают свидетели того, что произошло в этом краю и городе в короткий промежуток времени между августом и декабрем 1942 года. Чекисты разыскивали подсудимых в продолжении 25 с лишком лет и они были арестованы, как пишут газеты, «по глухим деревням Сибири, Краснодарского (Кубанского) края, Астраханской и Ростовской областей. Связи они, конечно, между собой не поддерживали и, если один арестованный под пыткой называл другого, то не давал его адреса. Процесс еще идет.

Только сейчас, с опозданием на пять месяцев, журнал «Вопросы истории» сообщает о кончине 27-го октября 1967 года на 77-ом году жизни выдающегося историка Московской Руси доктора

исторических наук **Алексея Андреевича Новосельского**. Покойный — беспартийный историк — был явно не в чести, что доказывают два факта:

1. Несмотря на крупные достоинства его научных трудов, он даже в преклонном возрасте не был хотя бы членом-корреспондентом той самой Академии Наук СССР, где так много академиков с сомнительными научными достоинствами и партбилетом в кармане.

2. Странное впечатление производит столь запоздалый и анонимный некролог, не подписанный ни одним из его сотрудников, ни учеников. Ведь не могли же не знать о его кончине в Москве члены редакционной коллегии «Вопросов истории», отложившие некролог на пять месяцев!

Кончив в возрасте 25-ти лет московский университет еще за два года до революции, покойный работал профессорским стипендиатом над вопросами русской истории и для заработка служил в библиотеке им. Ленина. В 1926 г. защитил магистерскую диссертацию «Вотчинник и его хозяйство в семнадцатом веке». Этот труд весь построен на изучении найденного им архивного материала о ведении хозяйства стольником той эпохи А. И. Безобразовым с любопытными данными о его взаимоотношениях с крестьянами и холопами так же как и с родственниками и соседями по его вотчине.

Затем последовала докторская диссертация «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века», которую он защитил в 1946 г. ибо военные события оторвали университет от научной работы. Перед нами проходят войны и перемирия (настоящего мира не было) между Москвой первых Романовых и Ногайской ордой и крымским ханством, причем дан интересный анализ экономики этого ханства. Все это сделано на основе впервые автором обнаруженных в архивах документов.

Кроме того, он участвовал в коллективных трудах, как «История Москвы», «Очерки по истории СССР эпохи феодализма» (поражает безграмотность названного названия). Ни слова не говорит некролог о преданности ученого партии и режиму, который весь погрузился в изучение XVII и славного прошлого Московской Руси. Вместо этого анонимные авторы некролога свидетельствуют, что ему «были присущи скромность, суровая требовательность к себе, доступность в общении, благожелательное отношение к товарищам по работе... у всех, кому посчастливилось вместе с ним работать и кого он заботливо учил, навсегда сохранится образ обаятельного человека и талантливого ученого». Эти теплые слова были несомненно написаны единомышленниками без трескучих фраз о «преданности партии» или о «марксистских методах» его научной работы. Это показывает, что Новосельский советский режим только выносил, но не одобрял и постарался забыть современный гнет и подавление свободной научной мысли, всецело переносясь в свой любимый XVII век.

В некрологе сказано, что уже тяжело больным Алексей Андреевич посещал читальный зал Центрального Государственного Архива и что по смерти на его рабочем столе осталась почти завершенная рукопись продолжения его исследования о борьбе против ногайцев и крымчаков во второй половине XVII века. На полках у Новосельского лежали подготовленные им к печати архивные документы из фонда стольника А. И. Безобразова. Мы не имеем данных судить о его религиозности, но самое молчание относительно его похорон в прошлом октябре и интерес его к эпохе процветания на Руси Православия позволяет думать, что его могли отпеть на кладбище. Вот о таких ученых хочется поведать читателям.

Уже заканчивая настоящую статью, получил точные сведения о судебных приговорах ленинградского городского суда по загадочному делу «Всероссийского социально-христианского союза народной свободы».

По этому делу состоялось два процесса: в ноябре 1967 года и с 14-го марта по 5-е апреля 1968 года. Программа этой весьма странной организации сводилась в основном к следующему: организация должна свергнуть советский режим и установить демократиче-

скую республику. Во главе стоит президент, избираемый непосредственно всенародным голосованием, и парламент, перед которым ответственно правительство, уходящее в отставку при выражении парламентом недоверия. Правительство разрабатывает проекты новых законов, которые голосует парламент, но потом законы должны быть еще одобрены... Синодом с точки зрения их соответствия православному вероучению. Земля принадлежит государству, которое по желанию крестьян передает им в наследственное частное пользование или же через колхоз, если в каждом отдельном случае большинство крестьян данного села пожелает сохранить насажденные при советском режиме колхозы. Государство сохраняет право отобрать землю у колхоза или единоличного владельца при нерентабельной эксплуатации. Но непонятно, кто же будет землю у плохого хозяина отбирать: государственная инспекция или суд, который выслушает экспертизу инспекции? Все виды транспорта, крупная промышленность и электростанции остаются у государства, но легкая и пищевая промышленность передается частным предпринимателям.

Эта программа кажется мне столь сумбурной, что половина ее могла быть продиктована следователями, которые всякими способами добивались подписи под продиктованной ерундой. В частности это относится к странному контролю Синода над принятыми парламентом законами, чего нет нигде в мире. Возможно, что это продиктовано следователями, чтобы скомпрометировать Церковь, которая в СССР в лице Патриархии является орудием правительства или в подполье преследуется и явно враждебна государственному строю СССР. Но потаенная Церковь настроена монархически и никакого контроля над советскими законами не требует.

В ноябре 1967 года судились, якобы, главные руководители «Союза», у которых при обысках найдена не только обличающая их переписка и программа «Союза освобождения народа», но и оружие. Руководитель основанной в 1964 году организации профессор японед Восточного факультета университета **Владимир Огурцов** приговорен к 15-ти годам концлагеря сурового режима, научный сотрудник Института по изучению Востока **Михаил Садо** — к 13 годам, историк литературы и автор трудов по творчеству Достоевского **Евгений Вагин** — к 10 годам и студент **Сергей Аверочкин** — к 8 годам. Как видим, приговоры более суровые, чем над Снявским и Даниэлем.

5-го апреля вынесен приговор 17-ти другим участникам группы, сравнительно более мягкий: профессор ориенталист **Владимир Платонов** приговорен к 7 годам, доцент университета **Лев Бордин** — к 6 годам, **Виктор Ивойлов**, представлявший организацию в Томске, где было ответвление «Союза», — к 6 годам (его, якобы, арестовали в Томске, но судили совместно с ленинградцами), экономист **Степан Устинович** — к трем с половиной годам заключения, четыре ленинградских инженера **Анатолий Миклашевич**, **Юрий Бузин**, **Василий Нагорный**, **Юрий Баранов** — к трем годам, экономист **Бочаров** — к двум с половиной годам, арестованный в Томске вместе с Ивойловым сотрудник химической лаборатории **Василий Веретенов**, ленинградский лаборант-химик **Алексей Ивлев** и переводчик **Александр Сударев** — к двум годам. Другие четыре подсудимых: работник библиотеки им. Щедрина в Ленинграде **Сергей Константинов**, инженер **Олег Шувалов**, техник Стройтреста **Орест Зобак** и техник **Петр Малышевский** были приговорены к 14 месяцам заключения. Но постановлением суда были выпущены на свободу, ибо провели в Доме Предварительного Заключения на ул. Воинова (бывшей Шпалерной) № 23 срок, превышающий эти 14 месяцев.

Обращаю внимание читателей на две особенности этих процессов:

1. Впервые в программе, приписываемой подсудимым, говорится о христианстве в связи с будущим государственным устройством.

2. В прежних процессах фигурировали лишь местные интеллигенты, а теперь привезены двое обвиняемых из Томска, чем признается наличие филиалов в Сибири.

Алексей Ростов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

АРХИМАНДРИТ АНТОНИЙ

Нам пишут из Нью Йорка:

Архиерейский Синод Русской Зарубежной Церкви назначил архимандрита Антония (Грabbе) начальником русской православной духовной миссии в Палестине с сохранением за ним обязанностей директора Св. Сергиевской гимназии в Нью Йорке.

"Новое Русское Слово" сообщило, что архимандрит Антоний вылетит в июле в Иерусалим, чтобы принять дела миссии от ее начальника, архимандрита Дмитрия. По слухам, архимандрит Дмитрий уволен на покой.

Та же газета сообщила, что архимандрит Антоний будет делить свое время между Нью Йорком и Иерусалимом, в частности, оставаясь в Нью Йорке в течение учебного года. Газета не сообщила, кто будет его тогда заменять в Иерусалиме во главе духовной миссии.

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Нам пишут из Нью Йорка:

В происходящем в Свято-Троицкой Лавре под Москвой ознаменовании 50-летия восстановления патриаршества в России участвует делегация экзархата этой патриархии в Америке, в составе экзарха, архиепископа Ионафана, и протоиереев И. Гавриляка, Г. Гречика и Ф. Ковальчука.

ПОЛЬСКИЕ ЕВРЕИ

Нам пишут из Нью Йорка:

По сообщениям американской прессы, президент Джонсон и государственный секретарь Риск выразили готовность принять в Соединенные Штаты 30.000 проживающих в Польше евреев, подвергающихся, по мнению их американских единоверцев, преследованиям и дискриминации.

До 1939 года в Польше проживало свыше 3-х миллионов евреев. Подавляющее большинство погибло во время немецкой оккупации Польши. Часть эмигрировала в СССР и в Израиль. Те 30.000 евреев, которых американское правительство готово принять в Соединенные Штаты, составляют всю еврейскую часть населения современной Польши.

МОСКОВСКИЙ РАВВИН

Нам пишут из Нью Йорка:

Соответствующий в Нью Йорке фонд Обращения к Совести, председателем которого состоит раввин Артур Шнейдер, а вице-председателем — член ордена иезуитов, католический священник Торстон Н. Дэвис, и методистский пастор, д-р Гарольд А. Босли, разослал

приглашения на прием в честь приезжающего в Нью Йорк главного московского раввина Иегуды - Лейбы Левина.

В частности, на этот прием приглашены: католический архиепископ Нью Йорка Теренс Дж. Кук, экзарх вселенского патриарха в Америке архиепископ Иаков и возглавляющий епископальную епархию в Нью Йорке епископ Гораций Д. Б. Донеган.

Главный московский раввин приезжает в Соединенные Штаты в сопровождении одесского раввина и ленинградского кантора, как глава первой иудейской вероисповедной делегации, получившей разрешение советской власти на поездку в Америку. Делегация приглашена в Соединенные Штаты Американским советом по вопросам иудаизма — еврейской организацией, относящейся отрицательно к сионизму и называющей себя представительницей американцев иудейского вероисповедания. Эта организация отрицает существование антисемитизма в СССР и преследования евреев советской властью. Устраивающий прием в честь Левина фонд был основан несколько лет тому назад для сотрудничества евреев с христианами в благотворительной и социальной области. Практически, он стал одним из органов еврейской пропаганды и, в частности, выступал в защиту советских евреев от преследований, которым они, по словам большинства американских евреев, подвергаются в СССР.

Некоторые еврейские организации в Соединенных Штатах, также обвиняющие СССР в преследовании евреев и в антисемитизме, отнеслись к приезду раввина Левина и его делегации отрицательно. Председатель американско-еврейской конференции по делам советского еврейства, раввин Израиль Миллер, назвал приезд делегации "циничной попыткой смехотворного обмена американского общественного мнения советской пропагандой". Он высказал сомнение в возможности действительного и плодотворного обмена мнений с Левиним и его делегацией.

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Нам пишут из Нью Йорка:

Американская печать сообщает, что папа Павел VI прислал московскому патриарху Александру письмо, которое было вручено патриарху католической

В среду, 26-го сего июня, в Центре Русских Белых состоится доклад д-ра Miguel Angel Speroni на тему: "ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В СССР В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ". Начало в 19.00 час. Вход свободный.

ПРОИЗВОЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ГДР

Правительство ГДР, с ведома и вероятно не без одобрения советского правительства, чинит препятствия наземному сообщению между Западной Германией и Берлином.

Запрещен проезд через восточно-германскую территорию членов правительства ФРГ, а также ответственных работников западногерманских министерств.

В начале мая послы Соединенных Штатов, Англии и Франции обратили внимание советского посла в Восточном Берлине Абрашимова на недопустимый характер действий восточно-германского правительства. В ноте переданной правительству СССР содержится требование положить конец вмешательству властей ГДР в порядок сообщения между Берлином и Западной Германией.

делегацией, прибывшей в СССР на празднование 50-летия восстановления патриаршества в России. Делегацию возглавлял архиепископ Бирмингемский Джордж Двайер.

Выходящий в Детройте румынский православный журнал "София" ("Вестник") сообщил о приезде в Соединенные Штаты протоперея Матвея Стадьюка, бывшего представителя московской патриархии при Александрийском патриархе. Он назначен секретарем Экзарха московской патриархии в Америке, архиепископа Ионафана.

АРХИЕПИСКОП ИОСИФ

Нам пишут из Нью Йорка:

Из Рима в Канаду приглашен униатский архиепископ Иосиф Слипы, которого галицко-украинские униаты и их единоверцы в Америке называют первоначальником Украинской Католической Поместной Церкви. В Торонто он совершит богослужение на одной из площадей этого города. На это богослужение предвидится съезд десятков тысяч проживающих в Канаде украинских униатов.

Архиепископ Иосиф стал первоначальником галицко-украинской Церкви вскоре после окончания войны и смерти своего предшественника, митрополита Андрея Шептицкого. Он был арестован по распоряжению из Москвы, провел 18 лет в советских тюрьмах и лагерях и был освобожден, когда советская политика пошла на установление отношений с Ватиканом. После освобождения и приезда в Рим он был возведен в сан кардинала и остается, до сих пор, первым и единственным галицко-украинским епископом, получившим этот сан.

М. М. Спасовский

О русской судьбе

Идет отбор Божий, — среди нас идет отбор по нашей преданности Св. Православию. Ибо лишь "претерпевый до конца той спасен будет".

Здесь мудрость и простота. Мудрость в понимании важности сохранения культурно-исторических традиций нашего народа, взрошенных и освященных Св. Православием. В понимании того, что именно через Св. Православие мы сохраняем связь с нашим народом, соучаствуем в его страданиях. Ибо Св. Православие это не только наша душа, но и та духовная сила, которая единственно осталась во всей ее иерархической ценности от Исторической России и которая, — и это самое главное — объединяет нас, православных русских изгнанников, рассеянных по лицу земли, и охраняет нас от бесследного растворения в чужой массе.

Это — первое и самое главное, что мы должны не только понять и твердо помнить, но и высоко ценить, — конечно, в том случае, если мы уважаем в себе достоинство русского человека и печемся о его судьбе.

С другой стороны, страшное время, переживаемое нами, показывает, что преданность Св. Православию, связанная с охраной его чистоты и преемственной апостольской благодати, — требует великого мужества в борьбе с современным психозом модернизировать все и вся. Эту борьбу и надлежит претерпеть до конца, чтобы устоять в истине. А Истина одна — Господь наш Иисус Христос.

И еще: в наши дни плоский и пошлый рассудок, прилепившись к вещественному, объявил себя верховным источником культуры. Эта рассудочная культура ведет и уже привела к упадку от религии, сначала к безбожью, а затем к противо-божескому и топит человека в духовном оскудении и в практическом бесстыдстве.

Отсюда вывод прост: чем ближе мы к Церкви, тем ближе мы к истинной культуре. А истинная культура есть культура духа. Эта культура нашего русского духа, основанная и освященная Св. Православием, объединяла и спасала и несла нас в высь, тысячу лет. Она и сейчас — благодатью Церкви нашей — объединяет и спасает нас от нашего бесследного растворения в прельстительном водовороте многошумящей современности.

Водоворот этот ужасен тем, что он вытряхивает из нас и нашу русскую душу и наш русский дух, — тушит ту нашу русскую свечу перед Духом Хри-

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

Печатается без ведома и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

1.

Раковый корпус носил и номер тринадцать. Павел Николаевич Русанов никогда не был и не мог быть суеверен, но что-то опустилось в нем, когда в направлении ему написали: "тринадцатый корпус". Вот уж такта не хватило назвать тринадцатым какой-нибудь протезный или кишечный.

Однако во всей республике сейчас не могли ему помочь нигде кроме клиники.

— Но ведь у меня — не рак? доктор? У меня ведь — не рак? — с надеждой спрашивал Павел Николаевич, слегка потрагивая на правой стороне шеи свою злую опухоль, растущую почти по дням, а снаружи все также обтянутую безобидной белой кожей.

— Да нет же, нет, конечно, — в десятый раз успокоила его доктор Донцова, размашивая почерком исписывая страницы в истории болезни. Когда она писала, она надевала очки — скругленные четырехугольные, как только прекращала писать — снимала их. Она была уже немолода, и вид у нее был бледный, очень усталый.

Это было еще на амбулаторном приеме, несколько дней назад. Даже назначенные в раковый на амбулаторный прием больные уже не спали ночь. А Павлу Николаевичу Донцова определила лечь и как можно быстрее.

Не сама только болезнь, не предусмотренная, не подготовленная, налетевшая как шквал за две недели на беспечного счастливого человека, — но не меньше болезнь угнетало теперь Павла Николаевича то, что приходилось ложиться в эту клинику на общих основаниях, как он лечился уже не помнил когда. Стали звонить — Евгению Семеновичу, и Шендяину, и Ульмасбасбаеву, а те в свою очередь звонили, выясняли возможности, и нет ли в этой клинике спецпалаты или нельзя хоть временно организовать маленькую комнату как спецпалату. Но по здешней тесноте не вышло ничего.

И единственное, о чем удалось договориться через главного врача всего больничного городка — что можно будет миновать приемный покой, общую баню и переодевалку.

И на их голубеньком "москвичике" Юра подвез отца и мать к самым ступенькам Тринадцатого корпуса.

Несмотря на морозец, две женщины в противных бумажных халатах стояли на открытом каменном крыльце — ежились, сплетая руки вокруг груди, а стояли.

Начиная с этих неопрятных халатов все было здесь для Павла Николаевича неприятно: слишком истертый ногами цементный пол крыльца; тусклые ручки двери, захватанные руками больных; зал ожидающих с облезлой краской пола, высокой оливковой панелью стен (оливковый цвет так и казался грязным) и большими рейчатыми скамьями, на которых не помещались и сидели на полу приехавшие издали больные — узбеки в стеганых ватных халатах, старые узбеки в белых платках, а молодые — в лиловых, красно-зеленых, и все в сапогах и в галошах. Один русский парень лежал, занимая целую скамейку, в расстегнутом, до полу свешенном пальто, сам истощавший, а с животом опухшим и непрерывно кричал от боли. И эти его вопли оглушали Павла Николаевича и так задели, будто парень кричал не о себе, а о нем.

Павел Николаевич поблел до губ, остановился и прошептал:

— Капа! Я здесь умру. Не надо. Вернемся.

Капиталина Матвеевна взяла его за руку твердо и сказала:

— Пашенька! Куда же мы вернемся?.. И что дальше?

— Ну, может быть, с Москвой еще как-нибудь устроится...

Капиталина Матвеевна обратилась к мужу всей своей широкой головой, еще уширенной пышными медными стриженными кудрями:

— Пашенька! Москва — это, может быть, еще две недели, может быть не удастся. Как можно ждать? Ведь каждое утро она больше!

Жена крепко сжимала его у кисти, передавая бодрость. В делах гражданских и служебных Павел Николаевич был неуклонен и сам, — тем приятней и спокойней было ему в делах семейных всегда полагаться на жену: все важное она решала быстро и верно.

А парень на скамейке раздирался — кричал!

— Может, врач домой согласится... Заплатим... — неуверенно отпирался Павел Николаевич.

— Пасик! — внушала жена, страдая вместе с мужем, — ты знаешь, я сама первая всегда за это: позвать человека и заплатить. Но мы же выяснили: эти врачи не хотят, денег не берут. И у них аппаратура. Нельзя...

Павел Николаевич и сам понимал, что нельзя. Это он говорил только на всякий случай.

По уговору с главврачем онкологического диспансера их должна была ожидать старшая сестра в два часа дня вот здесь, у низа лестницы, по которой сейчас осторожно спускался больной на костылях. Но, конечно, старшей сестры на месте не было, и каморка ее под лестницей была на замочке.

— Ни с кем нельзя договориться! — вспыхнула Капиталина Матвеевна. — За что им только зарплату платят!

Как была, обхватывая по плечам огромным воротником из двух чернубурок, Капиталина Матвеевна пошла по коридору, где написано было: "В верхней одежде вход воспрещен".

Павел Николаевич остался стоять в вестибюле. Боязно, легким наклоном

Советский быт

ТВАРДОВСКИЙ НЕ СДАЕТСЯ

(КРС) Анализ "Нового мира" № 1 за 1968 год представляет большой интерес с точки зрения общей линии журнала и позиции его главного редактора поэта Александра Твардовского. Известно, что в течение последнего времени на Твардовского оказывалось очень сильное давление с "Новой площади" (ЦК КПСС). Известно, что ему пришлось в определенной мере уступить, о чем он сам сказал в стихотворении, опубликованном в журнале "Юность". Известно, что Твардовский в "Новом мире" по существу один и опереться ему там не на кого. (Разве, что на Е. Дороша). Наконец, события совсем недавнего времени доказывают, что советская литература и искусство стоят на пороге нового и достаточно серьезного "завима". (Напомним о статьях А. Чаковского, С. Михалкова и о последней речи Брежнева).

Следует также сказать о том, что журнал "Новый мир" № 1 вышел в свет с сильным запозданием, больше чем на

Организацией Российских Юных Разведчиков открыта 11 мая 1968 г. первая РУССКАЯ АМБУЛАТОРИЯ О.Р.Ю.Р. Прием больных от 14.00 до 16.00 час. по субботам. Адрес: Calle Buenos Aires 2655, Olivos. Коллехивы: 4, 143, 113, 215 и железнодорожная станция "Dr. Setrangolo" (Mitre). Стоимость визита — 50 песо. Электрокардиограммы, рентген и анализы по сильно удешевленным ценам. Заведующий амбулаторией — др. М. Царевский.

ставым, которая хранила нас сотни лет — по завету Великого Князя Симеона — "Свеча бы не угасла!"

Погаснет эта свеча, погаснем вместе с нею и мы как там, так и здесь, потеряв церковный уклад нашей жизни и ее нравственные начала.

И не будет никакого преувеличения сказать, что историческая судьба русского народа и нас, русских изгнанников в том числе, — полностью и безраздельно зависит от нашей преданности Св. Православной Русской Церкви — со всей ее той неповрежденной чистотой и той верной праведностью, кои опекали нас во все времена нашего многотрудного исторического и государственного бытия.

М. М. Спасовский

два месяца позже срока. Безусловно это свидетельствует о той закулисной борьбе, которая происходила между Твардовским и "Новой площадью". Борьба была принципиальной, решалось печатать новый роман Федора Абрамова или не печатать. Когда Твардовский настоял на своем, дело пошло гладко. И "Новый мир" № 2 вышел почти сразу за № 1, так как в нем печатается продолжение романа Абрамова.

Итак, если судить по содержанию "Нового мира" № 1, можно сказать, что Твардовский пока не сдается и держит линию, то есть публикует произведения не только интересные и талантливые с художественной точки зрения, но и правдивые, отображающие реальную жизнь, жизнь без прикрас, следовательно, иногда даже обличающую и систему и образ жизни. Подчеркнем: и н о г д а, так как не обходится без компромиссов и уступок.

На первом месте в "Новом мире" № 1, конечно, новый роман Федора Абрамова "Две зимы и три лета".

Кто такой Федор Абрамов? Не тот ли это Абрамов, который в начале 60-х годов написал рассказ "Вокруг да около"? Да, тот самый. Напомним, что этот рассказ был резко осужден в официальной советской прессе, а президиум ЦК КПСС признал его антисоветским и вынес по этому поводу соответствующее решение. Судьба Абрамова была как бы преддана. И о нем почти забыли, как, примерно, в то же время, забыли и об Александре Яшине, авторе такого же "крамольного" рассказа "Рычаги".

И "Вокруг да около" и "Рычаги" показывали советскую деревню такой, какая она есть и своей достоверностью по существу взрывали всю идею коллективного труда на селе.

Если Яшин, член КПСС, в дальнейшем покался, хотя одновременно написал новое "огнеопасное" произведение "Вологодская свадьба", то Абрамов на долгое время исчез с литера-

ускоренные курсы
3—6 МЕСЯЦЕВ
МАШИНКИ, СТЕНОГРАФИИ
(UNIVERSAL),
КОРРЕСПОНДЕНЦИИ
на испанском, английском, немецком и французском языках.
По окончании — диплом.
Информации от 8 до 12 час.
по тел. 792-6159 (Martinez).

турного горизонта, не будучи никогда на этом горизонте приметной фигурой.

И вот этот самый Федор Абрамов снова на "поверхности", и где, — на страницах "Нового мира"! Несомненно, интерес представляет сам факт публикации романа Абрамова, факт его, так сказать, оживления, воскресения. Можно представить себе какие препятствия чинились Твардовскому на этом пути, как кремлевские боссы противились этому "воскресению" Абрамова. И тем не менее победили мужество Твардовского и талант Абрамова.

Конечно, трудно судить по первому отрывку, но ясно, что Абрамов замахнулся на большую вещь, явно, что он создал эпохальное полотно о жизни советской деревни, начиная с отечественной войны, вернее, с ее конца и до, вероятно, наших дней. То, что напечатано в первой части может вызвать лишь восхищение читателя сочностью языка, великолепной пластикой изображения характеров, достоверностью деталей, своеобразностью северных пейзажей, наконец, что главное: авторской открытостью, внутренним волнением.

Приведем два небольших отрывка для того, чтобы лишь намекнуть на правдивость и выразительность языка Абрамова:

"У ребят дыхание перехватило, когда он взялся за буханку. Давно, сколько лет не бывало в их доме такого богатства. Коричневая, хорошо пропеченная корочка аж запищала, заскрипела под его пальцами. И вот что значит настоящая мука — ни единой крошки не упало на стол".

"А в остальном — что изменилось в остальном? В Пекашине попрежнему не было хлеба и не хватало семян, попрежнему дохла скотина от бескормицы и попрежнему, заведя на дороге почтальоншу Улю, мертвели бабы: война кончилась, а похоронные еще приходили".

Если Абрамов, перейдя к сегодняшнему дню, останется таким же правдивым и честным, в описании деревни, читатель может ждать произведение не менее сильное и потрясающее, чем "Матренин двор" и "Один день Ивана Денисовича". И в этом случае Абрамов перехватит эстафету Солженицына.

Вторым "номером" Твардовский выпускает уже упомянутого Александра Яшина. Опять же примечателен сам факт публикации новых стихов Яшина. И еще примечательно это соседство: Абрамов, Яшин.

Твардовский как бы упорно повторяет: "Ну да, были у меня неприятности из-за "Вологодской свадьбы", а мне чи-

ВИКТОР ЯНИШЕВСКИЙ
Присяжный Переводчик
TRADUCTOR PUBLICO

Б Ю Р О

Присяжных Переводчиков

М. Д. ГОЧЕВАР и ЭДИТ ГИРШ
Переводы на русский и все остальные языки. Документы из Советского Союза и остальных стран Света, для получения гражданства, пенсии, паспортов, Cedula de Identidad, исправление имен и пр. Вызов родственников из Советского Союза и поездки в Советский Союз.

LAVALLE 1570, p. 4
Т. Е. 46-5238 y 5529 - Buenos Aires

хоть. Яшин крепкий парень. Нас не прошибешь. Вот вам еще кое-что яшинское...

В новых стихах Яшина самое интересное — это "Перед исповедью":

Хочется исповедоваться.
Выговориться до дна.
Может к друзьям наведаться
С бутылкой вина?

Вот, дескать, все, чем жил я.
Несу на ваш суд,
Не отвернитесь, милые,
Весь я тут.

Будто на медкомиссии
Гол — не стыжусь,
Только ладошки листиком,
И не боюсь, что высмеют,
Ни лешего не боюсь.

Хватит уже бояться мне.
Душа нага,
Только бы не нарваться ей
С исповедью на врага.

Выговориться дочиста —
Что на костер шагнуть.
Лишь бы из одиночества
Выбиться как-нибудь.

Может еще и выстою,
И не сгорю в огне
И, как на той комиссии,
"Годен!" —
Запишут мне.

Поразительна первая строчка: "Хочется исповедоваться". Она ведь открывает новое понятие в духовной жизни советских людей. Исповедь. Это прежде казалось чем-то старомодным, архаичным. Ну, и конечно вполне автобиографическая строчка: "Хватит уже бояться мне". А ведь Яшин как раз не из самых трусливых.

Надо думать, что "Перед исповедью" Яшина, стихотворение, под которым бы поставил свою подпись и Александр Твардовский, да и многие другие из числа честных и творчески сопротив-

головы направо, он ощущал свою опухоль между ключицей и челюстью. Такос было впечатление, что за полчаса — с тех пор, как он дома в последний раз посмотрел на нее в зеркало, окутывая кашне, за эти полчаса она будто еще выросла. Павел Николаевич ощущал слабость и хотел бы сесть. Но скамьи казались грязными и еще надо было просить подвинуться какую-то бабу в платке с салыным мешком на полу между ног. У Павла Николаевича было незащищенное обоняние, и даже издали достигал до него смрадный запах от этого мешка.

И когда только научится наше население ездить с чистыми аккуратными чемоданами! (Впрочем, теперь, при опухоли, это уже было все равно).

Страдая от криков того парня и от всего, что видели глаза, и от всего, что входило через нос, Русанов стоял, чуть прислонясь к выступу стены. Снаружи вошел какой-то мужик, перед собой неся поллитровую банку с наклейкой, почти полную желтой жидкостью. Банку он нес не пряча, а гордо приподняв, как кружку с ливом, выстоянную в очереди. Перед самым Павлом Николаевичем, чуть не протягивая ему эту банку, мужик остановился, хотел спросить, но посмотрел на котиковую шапку и отвернулся, ища дальше, к больному на костях:

— Милый! Куда это несть, а?

Безногий показал ему на дверь лаборатории.

Павла Николаевича просто тошнило.

Раскрылась опять наружная дверь — и в белом халате, ничем больше не покрытая, вошла сестра, не миловидная, слишком долголицая. Она сразу заметила Павла Николаевича и догадалась, и подошла к нему.

— Простите, — сказала она через запышку, румяная до цвета накрашенных губ, так спешила, — Простите, пожалуйста! Вы давно меня ждете? Там лекарства привезли, я принимаю.

Павел Николаевич хотел ответить едко, но сдержался. Уж он рад был, что ожидание кончилось. Подошел, неся чемодан и сумку с продуктами, Юра — в одном костюме, без шапки, как правил машиной — очень спокойный, с покачивающимся чубом.

— Пойдемте! — вела старшая сестра к своей кладовке под лестницей. — Я знаю, Низамутдин Базрамович мне говорил, вы будете в своем белье и привезли свою пижаму, только не ношеную, правда?

— Из магазина...

— Это обязательно, иначе ведь нужна дезинфекция, вы понимаете? Вот здесь вы переоденетесь.

Она отворила фанерную дверь и зажгла свет. В каморке со скошенным потолком не было окна, а висело много графиков цветными карандашами.

Юра молча занес туда чемодан, вышел, а Павел Николаевич зашел переодеваться. Старшая сестра рванулась куда-то еще за это время сходить, но тут подошла Капиталина Матвеевна:

— Девушка, вы что, так торопитесь?

— Да я — немножко...

— Как вас зовут?

— Мита.

— Странное какое имя. Вы не русская?

— Немка...

— Вы нас ждать заставили.

— Простите, пожалуйста. Я сейчас принимаю...

— Так вот слушайте, Мита, я хочу, чтоб вы знали. Мой муж — заслуженный человек, очень ценный работник. Его зовут Павел Николаевич.

— Павел Николаевич, хорошо, я запомню.

— Понимаете, он и вообще привык к уходу, а сейчас у него такая серьезная болезнь. Нельзя ли около него устроить дежурство постоянной сестры? Озабоченное беспокойное лицо Миты еще озабочилось. Она покачала головой:

— У нас кроме операционных на шестьдесят человек три дежурных сестры днем. А ночью две.

— Ну вот, видите! Тут умирать будешь, кричать — не подойдут.

— Почему вы так думаете? Ко всем подходят.

— А Павел Николаевич — не "все". К тому же ваши сестры меняются.

— Да, по двенадцать часов.

— Ужасно это обезличенное лечение!.. Я бы сама с дочерью сидела по-сменно! Я бы постоянную сиделку за свой счет пригласила, — мне говорят — и это нельзя...?

— Я думаю, это невозможно. Так никто еще не делал. Да там в палате и стула негде поставить.

— Боже мой, воображаю, что это за палата! Еще надо посмотреть эту палату! Сколько ж там коек?

— Девять. Да это хорошо, что сразу в палату. У нас новенькие лежат на лестницах, в коридорах.

— Девушка, я буду все-таки просить, вы знаете своих людей, вам легче организовать. Договоритесь с сестрой или с санитаркой, чтобы к Павлу Николаевичу было внимание не казенное... — она уже расцеловала большой черный ридикюль и вытнула оттуда три пятидесятки.

Недалеко стоявший молчаливый сын с устойчивым и светлым чубом отвернулся.

Мита отвела обе руки за спину.

— Нет, нет! Таких поручений...

— Но я же не вам даю! — совала ей в грудь растопыренные бумажки Капиталина Матвеевна. — Но раз нельзя это сделать в законном порядке... Я плачу за работу! Я вас прошу только о любезности передать!

— Нет-нет, — холодела сестра. — У нас так не делают.

ляющихся “указаниям” с Новой площадью.

Но и на Яшине не исчерпывается “прыть” Твардовского. На страницах “Нового мира” № 1 читатель может встретить имя ныне покойной Анны Ахматовой. Разве это не многозначительно? Правда, на этот раз Ахматова выступает в качестве переводчика стихов эстонского поэта Дебора Вааранди. Но перевод великолепный, от него веет удивительной мягкостью и звучностью русской речи. Ахматова как бы употребляет совершенно иной строй речи, она как бы открывает совершенно новые стороны русского языка. Тут читатель чувствует исключительное своеобразие, неповторимость ахматовского стихосложения, хотя в данном случае оно и подчинено характерности переводимого стиха.

Для того, чтобы продлить, так сказать, линию Твардовского, следует упомянуть еще имена Александра Володина и великого Бунина. Дело в том, что в разделе “Книжное обозрение” опубликованы рецензии на пьесы и сценарии молодого драматурга Володина и на книгу О. Михайлова “Иван Алексеевич Бунин”.

Заметим, что Александр Володин считается в советской стране слишком беспоконным автором. Вокруг его пьес и сценариев постоянно идут споры и нередко в верхах бывают весьма недоброжелательные творчеством Володина.

Что же касается книги о Бунине, то она, если судить по рецензии, написана в самых “положительных” тонах. Ничего ругательского. Напротив: похвалы и похвалы. Об эмигрантском периоде в жизни Бунина рецензент пишет следующее:

“Дело здесь глубже: в эмиграции Бунин огромную роль сыграла духовная связь писателя со старым миром, с вековым бытовым укладом, с былой культурой (хотя, как известно, Бунин политически императорской России не сочувствовал: он был представителем критического реализма в литературе)”. И дальше:

“Не надо забывать и того, что Бунин никогда, между прочим, не бывший политиком, к концу жизни вообще “перегорел”: для позднейших изданий он вычеркнул почти все политические и публицистические отступления того или иного злободневного характера. Только отдельные произведения (“Окаянный дом” и некоторые главы из “Воспоминаний”) остались данью писателя вопиюще-эмигрантской идеологии”.

И, наконец, подводятся итоги: “Книга О. Михайлова — результат не только глубокого и пристального изучения творчества Бунина, но и плод самостоятельной мысли, всегда острой,

но иногда, впрочем, весьма спорной”.

В двух публикациях, однако, Твардовскому пришлось пойти на компромисс. Если записки А. Желуховцева “Культурная революция” с близкого расстояния отличаются редкой легкостью и примитивизмом, то статья И. Кона “Размышления об американской интеллигенции”, образец умной, весьма эрудированной, но абсолютно тенденциозной и глубоко “марксистской” критики современной американской жизни во многих ее аспектах.

Читая записки Желуховцева, думаешь, а не есть ли всё это пародия на советское общество? Автор рассказывает о своем пребывании в КНР в качестве научного работника с 1966 года. Он упрекает китайцев и Мао Тзе-тунга в трех грехах, которые с таким же успехом можно приложить и к советским коммунистам, и к Косыгину, и к Брежневу.

Это действительно выглядит пародией и в то же время это, быть может, избобляет нечто обязательное и неизбежное в коммунистическом обществе, вне зависимости от “варианта” коммунизма. Приведем несколько конкретных примеров:

“Общественное было новым зданием прочной и солидной постройки, но ни для единения, ни для размышления оно не предназначалось, обитатели его были постоянно на виду друг у друга... Взаимное недоверие, как вскоре я убедился, было тут вполне обычным, но лишь впоследствии я понял, что всеобщая слежка и взаимное доноительство в нынешнем Китае тоже стали в порядке вещей”.

РЕДКИЕ И РАСПРОДАНЫЕ КНИГИ:

17. Вахтеров. Букварь	0.50
18. Эйсымонт. Русская грамматика. 3-е издание	0.75
19. Принимаются заказы на книги: Альбом “Государь Император	
20. Д. Паркс. Евреи среди народов. (Обзор причин антисемитизма).	3.00
21. П. Васильев. О еврейских предках Ленина. Буэнос Айрес.	0.50
22. А. И. Деникин. Старая армия. Париж. 1924 г.	3.50
23. А. И. Деникин. Путь русского офицера	3.50
24. Ю. Макаров. Моя служба в старой Гвардии. 382 стр. Б. Айрес. 1951.	3.00
25. Н. Свитков. Внутренняя линия. (Язва на теле русской эмиграции).	2.00
26. Н. Свитков. Массовство в русской эмиграции	1.50
27. С. М. Шварц. Антисемитизм в Советском Союзе. 264 стр.	2.50
28. С. Г. Пушкирев. Россия в XIX веке. 489 стр. Нью Йорк. 1956 г.	4.00
29. С. Верховский. Бог и человек. 416 стр. Нью Йорк. 1956 г.	3.00
30. В. Беляевский. Кто виноват? Воспоминания о Белом движении.	1.75
31. Л. Северский. Монархическая идея сегодня и завтра	0.50
32. Никитин. Роковые годы. Воспоминания начальника контрразведки при Керенском (Отречение Великого Князя Михаила Александровича и много других интересных данных)	3.00

Цены указаны в американских долларах с пересылкой заказной почтой. Casilla de Correo № 4. V. Ballester. Argentina.

ТРЕБУЙТЕ ПОДРОБНЫЕ КАТАЛОГИ!

● РЕПРЕССИИ ЗА ПРОТЕСТЫ

Руководство КПСС подвергает репрессиям тех представителей творческой интеллигенции, которые протестовали против расправы над молодыми литераторами и против незаконного заключения в психиатрическую лечебницу философа и математика Александра Есенина Вольпина. По сообщению газеты “Московская правда”, исключен из партии художник-модернист Биргер. Вина Биргера в том, что он в числе других советских деятелей культуры и искусства подписал заявление, критикующее судебный процесс по делу молодых литераторов Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой. По тем же причинам московская парторганизация Союза художников сделала строгий выговор художнику Андронову.

Одновременно парторганизация рекомендовала исключить из Союза всех членов, выступавших с критикой и подписавших какие-либо петиции оппозиционного характера.

По сообщению американской газеты “Нью-Йорк Таймс”, ряд выдающихся советских ученых, из которых некоторые работали в программе освоения космоса, исключены из КПСС в связи с тем, что они подписали протест против заключения в психиатрическую лечебницу Александра Есенина Вольпина. Все вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что партийные руководители предприняли новый поход против инакомыслия, против любого отхода от политической и идеологической линии партии.

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
 Docente de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
 (говорит по-русски)
 Специальное лечение корней зубов.
 Бор-машина Ultrasonico.
 Искусственные зубы.
 Рентгеновские снимки.
 Прием ежедневно от 14 до 20 час.
 Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
 T. E. 88 - 3605
 (Один квартал от станции подземки Pueyrredón по линии Federico Lacroze).

ТИРАЖ “НАШЕЙ СТРАНЫ” ДОЛЖЕН НЕПРЕРЫВНО РАСТИ — ДАЙТЕ ЕЙ ОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ!

Со скрипом двери из каморки вышел Павел Николаевич в новенькой зелено-коричневой пижаме и теплых комнатных туфлях с меховой оторочкой. На его почти безволосой голове была новенькая малиновая тубетейка. Теперь, без зимнего воротника в кашне, особенно грозно выглядела его опухоль в кулак на боку шеи. Он и голову уже не держал ровно, а чуть набок.

Сын пошел собрать в чемодан все снятое. Спрятав деньги в ридикюль, жена с тревогой смотрела на мужа:

— Не замерзнешь ли ты?.. Надо было теплый халат тебе взять. Привезу. Да, здесь же шарфик, — она вынула из своего кармана, — Обмотай, чтоб не простудить! — В чернобурках и в шубе она казалась втрое мощнее мужа. — Теперь иди в палату, устраивайся. Разложи продукты, осмотришься, подумай, что тебе нужно, я буду сидеть ждать. Спустишься, скажешь — к вечеру все привезу.

Она не теряла головы, она всегда все предусматривала. Она была настоящим товарищем по жизни. Павел Николаевич с благодарностью и страданием посмотрел на нее, потом на сына.

— Ну, так значит едешь, Юра?

— Вечером поезд, папа, — подошел Юра. Он держался с отцом почтительно, но как всегда порыва у него не было никакого, сейчас вот — порыва разлуки с отцом, оставляемым в больнице. Он все воспринимал погашенно.

— Так, сынок. Значит, это первая серьезная командировка. Возьми сразу правильный тон. Никакого благодушия! Тебя благодушье губит! Всегда помни, что ты — не Юра Русанов, не частное лицо, ты — представитель закона, понимаешь?

Гонимал Юра или нет, но Павлу Николаевичу трудно было сейчас найти более точные слова. Мита мялась и рвалась идти.

— Так я же подожду с мамой, — улыбался Юра. — Ты не прощайся, иди пока, пап.

— Вы дойдете сами? — спросила Мита.

— Боже мой, человек еле стоит, неужели вы не можете довести его до койки? Сумку донести!

Павел Николаевич сиротливо посмотрел на своих, отклонил поддерживающую руку Миты и, крепко взявшись за перила, стал всходить. Сердце его забилось, и еще не от подъема совсем. Он всходил по ступенькам, как всходит на этот, как его... ну, вроде трибуны, чтобы там, наверху, отдать голову.

Старшая сестра, опережая, взбежала вверх с его сумкой, там что-то кричала Марии и еще прежде, чем Павел Николаевич прошел первый марш, уже сбегала по лестнице другою стороною из корпуса вон, показывая Капиталине Матвеевне какая тут ждет ее мужа чуткость.

А Павел Николаевич медленно взшел на лестничную площадку — широкую и глубокую, какие могут быть только в старинных зданиях. На этой средней площадке, ничуть не мешая движению, стояли две кровати с боль-

ными и еще тумбочки при них. Один больной был плох, изнурен и сосал кислородную подушку.

Стараясь не смотреть на его безнадежное лицо, Русанов повернул и пошел выше, глядя вверх. Но и в конце второго марша его не ждало ободрение. Там стояла сестра Мария. Ни улыбки, ни привета, не излучало ее смуглое иконописное лицо. Высокая, худая и плоская, она ждала его, как солдат, и сразу же пошла верхним вестибюлем, показывая куда. Отсюда было несколько дверей и, где только они не загоразивались, — везде стояли кровати с больными. В беззаконном завороте под постоянно горящей настольной лампой стоял письменный столик сестры, ее же процедурный столик, а рядом висел настенный шкаф с матовым стеклом и красным крестом. Мимо этих столиков, еще мимо кровати и, указывая длинной сухой рукой, Мария сказала:

— Вторая от окна.

И уже торопилась уйти — неприятная черта общей больницы, не поговорит.

Створки двери в палату были постоянно распахнуты и все же, переходя порог, Павел Николаевич ощутил влажноспертый смешанный, отчасти лекарственный запах — мучительный при его чуткости к запахам.

Койки стояли поперек стен тесно, с узкими проходами по ширине тумбочек, и средний проход вдоль комнаты тоже был двоим разминуться.

В этом среднем проходе стоял коренастый широкоплечий больной в розово-полосатой пижаме. Толсто и туго была обмотана бинтами вся его шея — высоко, почти под мочки ушей. Белое сжимающее кольцо бинтов не оставляло ему свободы двигать тяжелой тупой головой, буро заросшей.

Этот больной хрипло рассказывал другим, слушающим с коек. При входе Русанова он повернулся к нему всем корпусом, с которым наглухо сливалась голова, посмотрел без участия и сказал:

— А вот — еще один рачок.

Павел Николаевич не счел нужным ответить на эту фамильярность. Он почувствовал, что вся комната сейчас смотрит на него, но ему не хотелось ответно оглядывать этих случайных людей и даже здороваться с ними. Он лишь отодвигающим движением повел рукою в воздухе, указывая бурому больному посторониться. Тот пропустил Павла Николаевича и опять также всем корпусом с прикрепленной головой повернулся вслед.

— Слышь, браток, у тебя рак — ч е р о? — спросил он нечистым голосом.

Павла Николаевича, уже дошедшего до своей койки, как заскобило от этого вопроса. Он поднял глаза на нахала, стараясь не выйти из себя (но все-таки плечи его дернулись) и сказал с достоинством:

— Н и ч е г о. У меня вообще не рак.

Бурый просопел и присудил на всю комнату:

— Ну, и дурак! Если б не рак — разве б сюда положили?

(Продолжение следует)

ПО СЛЕДАМ ГАЗЕТНЫХ СТРОК

Сохраним верность взятому с начала принципу: следовать по стопам газетных строк. Поэтому сегодняшнюю записку начнем теми же впечатлениями, которыми жила большая печать на истекшей неделе. А она была выражением потрясения, понесенного от внезапной смерти американского сенатора Роберта Кеннеди, от скорби сочувствия его семье, от негодования по отношению к убийце и замечаниям, связанным с судебным процессом.

При стечении невероятных масс народа, тело сенатора Роберта Кеннеди было предано земле на кладбище Арлингтон, месте погребения наиболее выдающихся государственных деятелей Сев. Америки. Разделяя скорбь, мы не могли избежать тяжелого чувства, когда в глубине сердца возник вопрос:

Вот вы негодуете по поводу злодейского убийства американского сенатора. Печать всего мира откликнулась на эту скорбь, а целый ряд подробностей сообщения направлен на то, чтобы скорбь эта коснулась наибольшего числа сердец. Вас справедливо возмущает акт бессовестного насилия и самосуда, и вас оскорбляет внезапная кончина политического деятеля, погибшего во цвете лет и сил, когда он стоял на пути к высшей власти и к удовлетворению самых крайних желаний человека, посвятившего себя политической карьере.

Но скажите: нашлась ли на страницах всемирной печати, в ваших газетах и журналах, хотя бы сотая часть места, посвященного смерти Роберта Кеннеди, чтобы в те страшные дни июля 1918 года, когда до вас дошла весть о преступлении, совершенном злодеями в Екатеринбург, — поднять возмущенный голос против самосуда, насилия, против царубийства. Нет. Вы молчали. Скажите, не показалось ли редакторам всемирной печати, что убийство Русского Царя и Его Семьи есть всего-навсего акт "режиссида", непременно спутника революций, в свою очередь стоящий неизбежными веками на пути прогресса, ведущего человечество к высшим, лучшим формам общественного устройства? Всемирная печать жадно окроковно перелистнула страницу. Жизнь пошла. Вы были спокойны. А мы знаем, что если бы тогда мир встал против кровавого насилия, нагло поднявшего голову в своей безнаказанности, возникшей после революции в России, если бы мир тогда же подавил жало змея, оправдания зла, то передовым демократическим странам не пришлось бы сегодня в растерянности размышлять о причинах того почему мысленно столь отвратительные акты, как убийство Кеннеди.

Итак, в участке № 100 Высшего Суда штата Калифорния, провинция Лос-Анжелес, в САФС, 5-го июня 1968 года начато уголовное дело № 233.421. Обвинителем назван: Народ штата Калифорния. Обвиняемый: Зирхан Бишара Зирхан. Состав преступления: убийство Роберта Франсиса Кеннеди, — человека. Такова обвинительная формула.

Дело будет тянуться долго, и долго еще американское общественное мнение будет задумываться над тем, почему же, зачем и кому же понадобилось убивать Р. Кеннеди? Почему же, кто и зачем присвоил себе право посредством убийства убрать из жизни страны ее политического деятеля? Не стоит ли за спиной Зирхана какая-то организация, противящаяся принципам, которым служит семья Кеннеди?

Насилие. Западный демократический мир в ужасе мятется, обвиняя сегодня акты насилия. Но при этом у него не нашлось до сих пор мужества обвинить себя за то, что он издавна оправдывает и с похвалой превозносит насильные революции. Французы каждый год предаются ликованиям, празднично вспоминая штурм Бастилии. Интересно, как-то они будут праздновать этот день

в текущем году. 14-е июля близко, а Франции не до праздников.

Отдавая дань своему человеческому естеству ваш покорный слуга и Наблюдатель в прошлом выпуске своих дневниковых записок понес очередную ошибку (Errare humanum est). Теперь придется вспоминать другого поэта. Пушкин писал о последней туче рассеянной бури, а один неизвестный поэт говорит: Нет. Туча не прошла,

Ни стороной, ни мимо.

Гроза передо мной.

Ужасная гроза...

Нам на память эта строка пришла просто потому, что, вопреки нашему легкомысленному прогнозу, Франции из забастовочного бедствия так легко выскочить не удалось. Туча не прошла, — ни стороной, ни мимо.

Забастовочные комитеты настаивали на своих требованиях и не допускали рабочих возвращаться к работе. Студенческие комитеты продолжали свои возмущительные сходки, речи и демонстрации. Схватки между этими двумя волнами и полицией то усиливались, то ослабевали, но как бы то ни было, один человек оказался убит и было несколько раненых.

И тем не менее забастовка идет на убыль. Здесь сказывается известный революционный принцип: если бы у возмущившейся толпы в руках оказалось оружие, то гражданской войны Франции бы не миновать. Если бы толпа почувствовала запах крови, то Франции бы не миновать Бастилии на современный лад. Ну, а так, похоже все-таки, что пошло к отливу. Пошумели и... устали.

Де Голль стал чаще выступать по ТВ и в последнем интервью заклеил коммунистов, как тоталитарный режим. Вообще, июньский бунт, кажется, много послужил Франции к протрезвлению. Всемирная печать даже, как будто, опасается, чтобы де Голль не повернул вправо. А признаки тому имеются. Так, он разрешил вернуться во Францию некоторым политическим деятелям, резко выступавшим против него по делу предоставления самостоятельности Алжиру.

В Алжире сейчас не торопясь но неуклонно проводятся большевистские меры. Национализация подвергается все более и более широкие участки промышленности.

В числе французских возвращенцев оказался Жорж Бидо, когда-то бывший премьер-министром Франции. Он готовится поднять знамя нового политического движения, которому он хочет присвоить наименование "Движение за справедливость и свободу".

Справка. Словом "справедливость" мы переводим на русский язык французское слово "жюстис", легшее и лежащее в основании бесконечного ряда политических движений более или менее крупных и значительных, более или менее оправданных или неоправданных, более или менее насильственных и преступных, но единодушно направленных к установлению новой "социальной справедливости", как вы, вероятно, о том слышали. Так вот тут полезно знать, что в начале дела тут лежит ошибка переводчиков.

Латинская "жюстис" во всех своих версиях является плохим переводом греческого слова из платоновой философии, искавшей общественной гармонии. Это слово у Платона звучит, как "дикейсине" и совершенно точно переводится по-русски словом "праведность", к которой Платон и стремился. Так что к праведности стремиться и надо. Это именно и имеется в виду, когда мы слышим слова: "Ищите прежде царствия Божия и правды (дикейсине) Его, и это все приложится вам" (Матф. VI, 33).

Это — к вопросу о том, где тайна решения всех политических проблем. Боюсь, что Бидо этого не знает. Но это именно знала и знает Русская Правда.

Банда. Но так как политические вожди страшно далеки от этой именно здоровой мысли, то они и пребывают в постоянном смятении, а иные мятутся, как бесы, лишь бы оставить свое имя потомству, подобно нашим несчастным соотечественникам анархистам Нечаеву и Бакунину.

Французская полиция стала высылать

NICOLAS FEWR

EL SOL SALE EN OCCIDENTE

(Continuación)

Por otra parte, se comprenderá fácilmente que a mí, como ruso, me estremaza mucho más comunismo que el nazismo. Lo mismo se puede decir del lector ruso, para quien escribo en primer término estas páginas.

Las escribo no sólo por haber sido el único periodista ruso que consiguió recorrer durante la guerra una parte considerable de la Rusia europea y porque mis impresiones pueden tener, por ello, un inludable interés, sino porque soy y seré hasta el fin de mis días un convencido adversario del régimen comunista; y no me hice adversario en los días de ocio de la emigración, sino después de recorrer mi patria, desfigurada por el comunismo.

из Франции иностранцев, оказавшихся причастными к беспорядкам. Выслано уже 73 человека.

Поскольку французская полиция стала принимать некоторые меры строгости, Даниэль Кон-Банди почувствовал себя неловко и из Франции перебрался в Англию. У этого молодчика, повидимому, есть либо деньги, либо богатые покровители, либо за ним стоит какая-то организация (уж не в том же ли духе, как организация, обнаружить которую будет пытаться суд штата Лос-Анжелес?).

Красному Даниэлю оказали приют английские лейбористы. Как же — свой! В палате лордов последовал запрос к правительственным чиновникам, почему, дескать, красному смутьяну дали право пребывать в Англии целых две недели? Но пока идут парламентские дебаты, Даниэль Кон-Банди превосходно чувствует себя в Лондоне. Выступал по ТВ и по радио и оказался одним из главных ораторов на студенческом митинге на факультете Экономических Наук Лондонского Университета. Здесь собрался представитель британских и иностранных университетов (толпа свыше 500 человек), которые и провозгласили себя основателями воинствующей организации, названной: **Революционная Федерация Социалистического Студенчества.**

Задача этой Федерации будет состоять в том, чтобы упразднить капитализм и установить рабочую власть. Эти студенты собрались в Лондон со всего света. Кстати сказать, советских студентов тут не слышно и не видно. Руководит британским студенчеством пакстанец Тарик Али, и снята вся эта веселая группа молодежи со сжатыми поднятыми кулаками, — распространенное в Западном мире коммунистическое приветствие.

Так что, в виду основания нового революционного интернационала, не надо исключать возможности, что Франция все-таки стоит перед новой грозой.

Вьетнам. Надо ли удивляться, что за всем происшедшим шумом вьетнамские события ушли с первых страниц и стали предьявляться мелким почерком. Это несмотря на то, что война приняла новую фазу, говорящую о больших успехах красных. Воспользовавшись тем, что американцы перестали бомбардировать их тылы, красные сумели сконцентрировать большие силы, которые и были двинуты на юг в целом ряде направлений.

Американцы не растерялись. Так как они были готовы и качественно и количественно, в тех случаях, когда возникли открытые бои, американцам удалось не только успешно отбивать атаки, но и наносить врагу крупные поражения.

Однако, злодейство партизанской войны не замедлило себя показать. Красные оказались в окрестностях Сайгона и с первых дней июня ведут отчаянный обстрел Сайгона ракетным оружием. От него гибнет множество гражданского населения, но выгнать красных из бамбуковых зарослей возможности не видно. Население бежит из Сайгона. Эвакуируются некоторые дипломатические миссии.

И вот, представьте себе, несмотря на все происшедшее и на все происходящее, конференция между представителями Америки и Сев. Вьетнама в Париже продолжается.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organó Monárquico Ruso

ДОКТОР
Кира Николаевна
КОЛДОМАСОВА - БАУМГАРТЕН
принимает
по пятницам от 18 до 20 час.
по субботам от 16 до 18 час.
AMENABAR 4156 CAPITAL
Телефон: 701.8413.

Они говорят друг другу в лицо неприятности. Они обвиняют друг друга в том, что они увлекаются пропагандой, но с места сойти не могут никак, а война между тем разгорается ужасным пламенем. Словно нарочно это все происходит в городе, парализованном забастовками, организаторами которых являются красные, и Западный демократический мир ищет легалистических способов к тому, чтобы оградить себя от насилия.

Но неужели же им до сих пор мало было наблюдать опыт России?

Как бы ни восставало сознание современного человека против насилия, разгон, данный прогрессивными мыслями еще в XVII веке, все никак не утихает, и если внимательно следить то удивляешься тому, как инным людям хочется, страстно и трепетно хочется, возмущенный, восстаний и революций.

Газетные корреспонденции сообщают о том, как в Аргентине (гор. Ла-Плата) студенты заняли здание университета, как беспощадно полиция с ними расправлялась и как справедливы требования студенчества, демонстрациями отмечившего 50-летие университетской реформы в Аргентине. И на той же странице читаешь официальное сообщение о полном спокойствии в ла-платском университете, что какая-то группа студентов, действительно, хотела вызвать возмущение, однако как только одна часть группы подняла красный флаг, другая ответила "красным" физическими мерами воздействия. Возникла драка, для усмирения которой администрация вызвала полицию, силами которой порядок и был восстановлен.

Правда, инциденты имели место в университетах в некоторых городах Аргентины, но газеты сильно преувеличивают факты. Хочется им "революционки",.. маленькой, уютной, ведущей к новому, более совершенному обществу социальной справедливости.

В заключение — справки со всего света.

В Суэцком канале до сих пор стоит пятнадцать судов, задержанных там египетско-арабской войной год тому назад.

Германия. На шоссе, соединяющем Западный Берлин с Западной Германией, красные немцы снова устроили препятствие для транспорта. За этим очевидная цель: добиться того, чтобы Западные немцы пожелали вступить в непосредственные переговоры с немцами Восточными. До сих пор переговоры идут через чиновников, по линии, соответствующей оси: Бонн — Вашингтон — Москва — Восточный Берлин. Применение наиболее современных средств связи обеспечивает быстрый обмен там протеста.

Да здравствует прогресс!

В Женеве, в условиях строжайшей секретности, на днях начнется конференция хирургов перестановщиков сердца и других органов. Уже зарегистрировано 22 случая пересадки сердца. Самый удачный — Блайберг. Но есть сведения, что у него начали появляться признаки отказа организма принять чужую ткань.

А Берлинская стена, в свое время вызвавшая столько возмущения, спокойно стоит пересекая Германию и служит еще одним из доказательств прогресса, достигнутого безбожным человечеством на путях стремления к совершенному обществу.

Наблюдатель

Розыски

Ольгу Александровну, урожденную ЖОЛНИРОВСКУЮ разыскивает ее сестра Любовь Александровна Добнаш.

Писать в Редакцию "Нашей Страны".